
РЕТРОСПЕКТИВА

А.В. КУЗНЕЦОВ*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ЮЖНОЙ АЗИИ¹

Аннотация. В развитии внешнеторговых и инвестиционных связей России с начала 2022 г. можно увидеть немало закономерностей, однако объяснение новых трендов нельзя описать признанными экономическими концепциями без дополнительного привлечения политологического анализа. В частности, геополитические факторы ломают традиционную логику опоры внешнеторговой специализации на сравнительные преимущества национальной экономики. Существенные искажения в ходе быстрой трансформации современного мироустройства происходят и в географических приоритетах в торговле и при осуществлении прямых иностранных инвестиций. Так, при развороте России на Глобальный Юг резко ослаблено проявление эффектов соседства и культурно-исторической близости (традиционно оцениваемых в экономических работах, например, с помощью гравитационных моделей и характеристик так называемого инвестиционного климата). В статье приводятся авторские оценки противоречивой статистики российской внешней торговли последних лет. Путем сочетания методов экономического и политологического анализа объясняется быстрое усиление среди российских партнеров роли Индии, Египта, ОАЭ, Народной Республики Бангладеш и Ирана. Особое внимание уделено расши-

* **Кузнецов Алексей Владимирович**, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, и.о. директора, главный научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-01479 «Новое “открытие” Россией Юго-Западной и Южной Азии: взаимозависимость внешнеэкономических связей и геополитики». – Режим доступа: <https://rscf.ru/project/25-28-01479/> (дата посещения: 01.02.2026).

рению БРИКС и продвижению крупных инфраструктурных проектов с российским участием. При этом показано, что ни перспективы строительства АЭС, ни развитие международных транспортных коридоров нельзя исследовать, игнорируя возможности политической науки. Отдельно рассматриваются резкое ухудшение отношения России с «коллективным Западом» и общая тенденция к усилению полицентричности в мировой политике как факторы, стимулирующие экономический разворот России на Глобальный Юг, то есть «выталкивающие» факторы сочетаются с «притягивающими». Показано долгосрочное значение для России связей с такими важными сегментами Глобального Юга, как Ближний Восток (включая Иран) и Южная Азия.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи России; полицентричное мироустройство; роль геополитики в экономике; разворот на Глобальный Юг; расширение БРИКС; политическое значение инфраструктурных проектов.

Для цитирования: Кузнецов А.В. Геополитические факторы интенсификации экономических связей России со странами Ближнего Востока и Южной Азии // Политическая наука. – 2026. – № 2. – С. 222–240. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.02.10>

Значимость сочетания методов экономики и политической науки

Конец 2025 г. ознаменовался очередным оживлением дискуссий о возможности конфискации той части средств ЦБ РФ (золотовалютных резервов), которые хранились на территории стран «коллективного Запада», прежде всего в ЕС. С правовой точки зрения это однозначный акт воровства, но при одном важном условии – если Россия сохраняет свой политический статус как крупное суверенное государство, способное отстаивать свои права в судебном порядке, а также иными способами на внешнеполитической арене. Более того, уже произошедшее в ЕС долгосрочное замораживание государственных активов Российской Федерации, равно как и идущие несколько лет полные или частичные экспроприации российских частных инвестиций в разных странах Запада с точки зрения общепринятых еще в 1960–1980-е годы трактовок международных инвесторов также являются конфискациями без адекватной компенсации. Даже фактическое принуждение российских прямых инвесторов продавать активы с существенным дисконтом из-за санкционного давления, включая запрет вывода прибылей в Россию, является очевидным политическим вмешательством в сугубо экономическую деятельность.

Не случайно Многостороннее инвестиционное гарантийное агентство (МИГА) страхует иностранных инвесторов от таких те-

перь хорошо знакомых россиянам политических рисков, как полная экспроприация или принудительное уменьшение доли в компании, запрет на вывод прибылей на родину из страны ведения бизнеса в свободно конвертируемой валюте и т.д.¹ Другое дело, что МИГА создавался как инструмент западоцентричного мироустройства для продвижения ТНК западных стран в развивающемся мире. Сейчас к этой группе в МИГА отнесено 154 государства, включая Россию (из стран, вступивших в ЕС в XXI веке, – только восемь, исключая Чехию, Словению и спешно добавленные под конфискацию активов «Газпрома» три страны Балтии), в то же время 28 стран так называемого коллективного Запада неподсудны (т.е. в них нельзя застраховать свои политические риски). Однако и это не новость для экспертов – еще в начале 1970-х годов в научном мире признавалось, что господствующие в мире страны Запада никому не платят компенсации за свои преступления (будь то истребление местного населения при колонизации или участие в работорговле), возмущаясь тем, что Третий мир пытается через конфискации прямых иностранных инвестиций (ПИИ) бывших колонизаторов восстановить справедливость [Girvan, 1972]. Повидимому, в свете нынешнего слома сложившегося мироустройства настал черед европейцев под благими лозунгами изымать сомнительными с юридической точки зрения способами активы, принадлежащие представителям «восходящих» держав.

Ссылки на спешно принимаемые, корректируемые или поновому трактуемые нормы права, например в ЕС, не отменяют фактов воровства. Так, нам не известно случаев, когда бы декреты революционных правительств (включая советское и мексиканское еще в межвоенный период) или законы диктаторских режимов признавались большинством добросовестных инвесторов за пределами соответствующих стран, даже если в них самих истерия экспроприации поддерживалась большинством общества, считавшим массовую конфискацию активов каких-то «чужих» групп инвесторов восстановлением справедливости [Rafat, 1969]. На мой взгляд, достаточно вспомнить Нюрнбергский процесс 1946 г., который показал, в частности, преступный характер принудительного выкупа предприятий евреев в нацистской Германии на основе принятых гитлеровским режимом законов, который предшество-

¹ What We Do // World Bank Group. MIGA. – Mode of access: <https://www.miga.org/products> (accessed: 10.11.2025).

вал физическому истреблению миллионов людей на огромных просторах Европы.

При этом еще более значимы незаконные «санкции» стран так называемого коллективного Запада против внешней торговли России, включая угрозу применения «вторичных санкций». Видна аналогия с экспроприациями: для международного права и конфискация активов, и введение торгово-инвестиционных ограничений по политическим мотивам необоснованно, но с точки зрения национального права применяющих их западных государств (к тому же еще на основе консолидированных решений союзников) с целью реализации выгодной их ТНК политики их применение вполне обоснованно. Более того, именно исследования политологов в последние годы показали, что экономисты недооценивают использование санкций, поскольку при всей неэффективности ограничительных мер, они выступают как важный инструмент международного влияния и принуждения, равно как и недобросовестной конкуренции [Тимофеев, 2024]. Повсеместно имеет место принуждение относительно слабых в военно-политическом и ресурсном плане суверенных государств к отказу от выгодных экономических связей под давлением ядерного блока НАТО во главе с США (как известно, не признающих верховенство международного права в части использования экстерриториальности собственного законодательства). Тем не менее, как будет показано ниже, Россия за годы ведения СВО на Украине смогла удержать свой внешний товарооборот на уровне, примерно соответствующем предыдущим периодам, осуществив быстрый экономический разворот на Глобальный Юг [Кузнецов, 2024]. Медленно (что легко объяснимо инерционностью сферы капиталовложений) меняется и география российского участия в ПИИ.

Очевидно, что в таких условиях вести анализ международных экономических отношений без привлечения методов политической науки бессмысленно. В частности, исчезает традиционное представление об инвестиционном климате, а впервые выявленные еще в 1970-е годы в рамках так называемой Упсальской школы интернационализации бизнеса Я. Юхансона эффекты соседства и культурно-исторической близости в географии ПИИ, также как и поэтапность освоения внешних рынков по мере накопления информации о более отдаленных регионах отходят на второй план перед геополитическими факторами интенсификации российских внешних связей [Кузнецов, 2008]. В настоящее время весьма сомнительными выглядят довольно популярные еще несколько лет

назад эконометрические оценки потенциала взаимодействия на основе географической близости (обычно с помощью гравитационных моделей – лишь как иллюстрации см.: [Драпкин, Мариев, Чукавина, 2015; Гинойан, Ткаченко, 2022]). Тем не менее политологический анализ требует дальнейшего развития – уже два десятилетия в России активно разрабатывается тема образа страны [Смулькина, 2025], в том числе применительно к возможностям инвестирования в России, хотя сейчас более актуальным для продвижения российского бизнеса становится понимание формирования адекватного образа зарубежных стран в самой России.

Вместе с тем было бы чрезмерным упрощением для современного экономического анализа сводить роль различных, к тому же нередко разнонаправленных, политических процессов к действию какого-то абстрактного политического фактора, пусть и очень значимого. Более того, контуры нового мироустройства еще только просматриваются в общем виде, причем скорее всего на прогнозы существенно влияют лежащие в их основе теоретические концепции (см., например: [Фитуни, 2022; Sachs, 2023; Гринин, Гринин, Коротаев, 2024]).

Это особенно хорошо видно на примере российской внешней торговли. Так, настоящий рост значения национальных экономик стран Глобального Юга может сочетаться с их использованием в качестве перевалочных баз для сохранения связей со странами «коллективного Запада». Более того, весьма разный характер динамики экспортно-импортных операций с отдельными формально дружественными странами, равно как и с некоторыми очевидными участниками противостоящего России коллективного Запада демонстрирует потребность в глубоком анализе самых разных политических аспектов.

Во-первых, для анализа географического «разворота» России требуется обратиться к популярной тематике санкций в международных отношениях – традиционно учитывается устойчивость политического курса или всей политической системы государства к внешнему воздействию, но политика страны может меняться в сторону, совершенно не учтенную авторами санкций, что особенно наглядно проявляется во внешнеэкономических связях. Нельзя недоучитывать и противодействие санкциям в самих странах-инициаторах. Во-вторых, по крайней мере для анализа российского материала крайне важны геополитика транспортных коридоров (логистики) и энергетическая геополитика, самой очевидной проекцией которых в мировой экономике выступают крупные инфра-

структурные проекты. В-третьих, при оценке «веса» того или иного государства следует отходить от популярного у экономистов подхода, связанного с изучением возможностей расширения ареалов региональной интеграции, в пользу исследования более широкого спектра отношений стран, причем не обязательно соседствующих друг с другом – от жестких альянсов до гибких форматов, включая возвышающееся объединение БРИКС.

Политические барьеры для торговли, впрочем, как и статистические трюки, вызванные теперь прежде всего политическими соображениями, в принципе делают сейчас бессмысленным применение строгих математических расчетов, например сравнительных преимуществ российских производителей на разных внешних рынках. В этой логике выкладки экономистов, разумеется, успешно дополняют именно качественные методы политической науки, а не количественные методы, нередко заимствованные политологами как раз у самих экономистов.

Краткая статистическая картина экономического разворота России

Наличие разных, причем отчасти противоречащих друг другу источников статистической информации о внешней торговле всегда существовало. Однако до 2022 г. различия официальных данных ФТС России и «зеркальной» статистики стран-партнеров были обусловлены прежде всего расхождениями в методике учета (например, в ценах CIF или FOB, т.е. с учетом или без учета стоимости страховки и транспортировки грузов), наличием контрабанды (в том числе при смене участниками внешнеэкономической деятельности кодов торговых классификаций для уменьшения пошлин) и формальной регистрацией сделок в европейских перевалочных базах (например, сырьевые товары якобы проходили через Нидерланды или Великобританию). Далеко не всегда эти расхождения можно было адекватно учесть, но в целом никакой тайны из них не делали.

После обострения санкционного давления на Россию со стороны так называемого коллективного Запада ситуация принципиальным образом изменилась. Во-первых, ФТС России теперь публикует только самые обобщенные данные о российской внешней торговле. Во-вторых, экспортеры и импортеры часто намеренно используют запутанные схемы для обхода западных ограничений,

причем угроза новых шагов по усилению недобросовестной конкуренции со стороны США, стран ЕС и их союзников не создает стимулов для разьяснения специфики современных торгово-логистических цепочек. В-третьих, потребность общества и российских контрагентов за рубежом все-таки представлять успехи России в противоборстве с так называемым коллективным Западом и обеспечении устойчивости своей экономики (в частности, идея международной изоляции нашей страны просто провалилась), а также разный характер интенсификации связей с различными партнерами на так называемом Глобальном Юге приводят к тому, что в сети Интернет появляются обрывочные сведения дипломатов, чиновников, представителей бизнеса о динамике торговли с теми или иными странами. Эти цифры по факту нередко противоречат друг другу, поскольку могут опираться на экстраполяцию сведений за несколько иные интервалы времени, нежели официально сообщается, или учитывать в разной мере теневые схемы обхода санкций.

На данный момент наиболее подробным и авторитетным источником информации о российской внешней торговле товарами служит статистика Международного торгового центра в Женеве¹. Однако она опирается исключительно на «зеркальную» статистику партнеров, поэтому даже в начале декабря 2025 г. отсутствовали среди прочего сведения о российской торговле с такими важными партнерами в БРИКС, как ОАЭ или Иран (по этой стране данных не появилось и в январе 2026 г.), а сведения по Египту не внушали большого доверия. Есть в географическом плане даже более детальная статистика МВФ, однако показатели по некоторым странам там также отсутствуют или вызывают большие вопросы в части адекватности (по крайней мере это точно относится к торговле России со странами Центральной Азии, что, вероятно, может сказываться и на качестве сведений о связях с ближневосточными государствами)². Тем не менее нами проведено сопоставление этих данных с официальной статистикой ФТС России по макрорегио-

¹ Trade Map // ITC. – Mode of access: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed: 02.12.2025).

² International Trade in Goods by Partner Country // International Monetary Fund. – 10.03.2025. – Mode of access: <https://data.imf.org/en/Dashboards/IMTS%20Dashboard> (accessed: 02.12.2025).

нам мира¹, а также различными сообщениями в СМИ на основе заявлений официальных лиц.

Фактически любая таблица с географией современной внешней торговли товарами России будет изобиловать серьезными неточностями, что было немислимо еще в 2021 г., когда основные сложности у исследователя возникали лишь с детальными данными о географии торговли услугами, а также определением фактической локализации ПИИ. Вместе с тем некоторые основные выводы качественного характера на основе количественных данных сделать все-таки возможно.

Прежде всего, российский внешний товарооборот сильно не изменился в течение трех лет «войны санкций» со странами Запада – в 2024 г. он, по данным ФТС России, составил 716,9 млрд долл., уменьшившись по отношению к 2021 г. лишь на 9%, причем экспорт российских товаров упал не намного больше (на 12%)². Такого рода колебания бывали характерны и раньше, причем далеко не всегда имели сугубо политическое измерение (достаточно сказать, что показатель 2024 г. почти на 8% превосходит объем российского товарооборота в 2019 г.).

Лидерские позиции сохранил Китай, увеличивший долю с 18,5% до более чем 34%, однако на вторую позицию вырвалась Индия, чей удельный вес возрос с 1,5 до более чем 9,5%. Третью-четвертую позиции среди торговых партнеров России занимают Турция (поднявшаяся с 6-го места) и Белоруссия (точные сопоставимые с другими странами данные сложно посчитать по причине достижения высокой доли расчетов в рублях). Особо подчеркнем, что новички БРИКС – ОАЭ и Египет – уже вошли в число 15 крупнейших торговых партнеров России по итогам 2024 г. Устойчивы позиции в регионе и у Ирана. Хотя надо признать, что сохраняющийся у России со многими партнерами чрезмерный положительный баланс в торговле создает в долгосрочном плане определенную неустойчивость экономического диалога³.

¹ Например: Итоги внешней торговли со всеми странами. Январь – декабрь 2024 // ФТС России. – Режим доступа: https://customs.gov.ru/storage/document/document_statistics_file/2025-02/28/z89E/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%8B122024.xlsx (дата посещения: 02.12.2025).

² Расчет по тому же источнику – указанный материал, а также: Итоги внешней торговли со всеми странами. Январь – декабрь 2021.

³ Базовыми для 2024 г. можно считать цитировавшиеся выше международные статистические данные: Trade Map // ITC. – Mode of access: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed: 02.12.2025), которые разумно до-

Вместе с тем необходимо учитывать, что даже среди западных стран нет однозначной картины в части разрыва или сохранения экономических контактов с Россией. Далеко не все бизнесмены, особенно в Азии и Восточной Европе, хотят под давлением политических властей без боя отдавать выгодные российские рынки сбыта конкурентам из Китая или из стран Ближнего Востока. В таблице приведены сведения по трем наиболее значимым партнерам России в рассматриваемом регионе, показаны для сравнения три важнейших партнера России из числа стран БРИКС за пределами Юго-Западной и Южной Азии, а также три крупнейших страны Запада (см. табл.).

Таблица

Динамика торговых связей России на фоне некоторых макроэкономических показателей

Страна	Товарный экспорт России		Товарооборот с Россией		Население страны		ВНД страны по ППС	
	2024, млрд долл.	Рост к 2021, %	2024, млрд долл.	Рост к 2021, %	2024, млн чел.	Рост к 2021, %	2024, млрд долл.	Рост к 2021, %
Индия	64,2	+638	69,2	+475	1450,9	+2,6	15956,9	+41,8
ОАЭ	7,5	+92	11,5	+122	10,9	+13,6	849,6	+31,9
Египет	6,0	+68	6,6	+63	116,5	+5,0	212,5	+26,6
Китай	129,1	+65	244,6	+68	1409,0	-0,2	37923,7	+29,7
Бразилия	11,0	+92	12,4	+70	212,0	+1,2	4589,3	+25,1
Индонезия	2,2	+79	3,6	+30	283,5	+2,4	4539,8	+32,3
США	3,3	-89	3,8	-90	340,1	+2,4	29243,1	+22,7
Япония	5,7	-60	7,9	-64	124,0	-1,4	6833,1	+17,0
Германия	1,8	-93	10,0	-83	83,5	+0,4	6253,5	+16,3

Источник: составлено автором на основе сведений ITC Trade Map, World Bank (и сообщений СМИ)¹.

Как видно по макроэкономической динамике, которая определяет среди прочего перспективные объемы рынков, ведущие

полнять сообщениями российских официальных лиц. Например: Египет остается главным партнером России в Африке // РИА Новости. – 05.08.2025 (источник информации – торгпред А. Теванян); В Кремле рассказали о товарообороте между Россией и ОАЭ в 2024 году // РИА Новости. – 07.08.2025 (источник информации – пресс-служба Кремля); Посол Ирана оценил объем торгового оборота с Россией за 2024 год // РИА Новости. – 17.01.2025.

¹ Trade Map // ITC. – Mode of access: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed: 02.12.2025); Indicators // World Bank Group. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed: 02.12.2025); РИА Новости. – 05.08.2025 и 07.08.2025 (указанные выше статьи).

страны БРИКС более привлекательны для России по сравнению с лидирующими державами коллективного Запада. При этом Индия и ОАЭ выделяются даже на фоне Китая и Бразилии. Другое дело, что по-прежнему в России не решен вопрос адекватного развития технологического сотрудничества в сложившихся геополитических условиях. Кроме того, нельзя забывать, что пока российские ТНК не смогли компенсировать свои потери в ЕС и США за счет разворота инвестиционных связей на Восток. В рассматриваемом нами регионе наиболее значимым изменением в области ПИИ стало лишь резко возросшее внимание состоятельных россиян к покупке недвижимости в ОАЭ взамен локаций в ЕС, что для конкурентоспособности российской экономики, увы, не дает особого прироста. По данным МВФ, основанным на «зеркальной» статистике, на конец 2024 г. накопленные российские ПИИ сократились якобы до 188,3 млрд долл. Размер этих капиталовложений в Индии составил лишь 395 млн долл. против, например, 6,1 млрд долл. в Турции. Правда, сведений по Египту, Ирану, ОАЭ и другим значимым реципиентам российского капитала в Юго-Западной Азии МВФ не приводит¹. При этом следует учесть, что большое положительное сальдо торговли России с большинством стран рассматриваемого макрорегиона в перспективе может способствовать росту российских ПИИ, особенно в случае повышения доли национальных валют в расчетах.

Крупные инфраструктурные проекты: больше экономики или политики?

В значительной мере интенсификация отношений России со странами Востока, в том числе рассматриваемого в статье макрорегиона, может и должна опираться на крупные инфраструктурные проекты. Во-первых, страны Юго-Западной и Южной Азии не являются слишком комфортными для российских бизнесменов в силу относительно большой по сравнению с Европой культурной дистанции, т.е. информационная поддержка со стороны государства крайне необходима, а инфраструктурные проекты часто выполняют подконтрольные государству компании. Во-вторых, поздний

¹ Bilateral direct investment positions by reporting country // International Monetary Fund. – 2024. – Mode of access: <https://data.imf.org/en/dashboards/dip%20dashboard> (accessed: 02.12.2025).

выход на достаточно развитые рынки (об этом свидетельствует, в частности, текущий небольшой российский экспорт в любую из стран на фоне ее валового национального дохода) требует нестандартных сочетаний различных стратегий внешнеэкономической экспансии. В этом отношении показателен успех Китая, который в Африке не действует по шаблонам поэтапной интернационализации (от простых форм международных экономических отношений типа товарного экспорта через посредников или собственные зарубежные сбытовые офисы к более сложным формам вплоть до автономных дочерних компаний с ПИИ в лаборатории, ведущие НИОКР), описанной упомянутой выше Упсальской школой. Китайский бизнес сочетает одновременно политические и экономические методы, причем торговлю, кредитование, трудовую миграцию и ПИИ почти одновременно. При развитии крупных инфраструктурных проектов, в отличие от добывающей и обрабатывающей промышленности, пока есть большее пространство для экспериментов с целью нестандартного повышения конкурентоспособности бизнеса. В-третьих, хотя это и не лучший вариант, но наиболее типичный для всех десятилетий российской интернационализации – государство стремится к гигантомании, т.е. российские чиновники предпочитают концентрировать усилия на поддержке единичных, но очень крупных проектов, быстро дающих демонстрационный эффект. При этом под крупными инфраструктурными проектами можно понимать как большие единичные стройки (в конце раздела будет рассмотрено сооружение АЭС как такой пример), так и создание формальных или неформальных особых экономических зон разного типа.

Фактически скелетом для сверхбольшой экономической зоны тяготения может стать Международный транспортный коридор «Север – Юг» (МТК). О его важной роли отечественные эксперты писали еще до начала СВО на Украине [Володин, Володина, 2019], но после резкого изменения геополитической ситуации актуальность развития МТК существенно возросла. Речь идет не просто о транспортной магистрали, связывающей Россию и Индию через Иран (единичная стройка, связывающая железнодорожные сети Азербайджана и Ирана, вряд ли даст большой мультипликационный эффект). При грамотной сопряженной вовлеченности государства и бизнеса возможно развитие в этой части Евразии многосторонних интенсивных экономических связей не только в треугольнике Россия – Иран – Индия, но и с подключением прежде всего арабских

монархий и государств Центральной Азии, а в перспективе двух-трех десятилетий даже с выходом на Восточную Африку.

При этом МТК способен выступать физическим стержнем сопряжения интеграции в Большой Евразии с политическими инициативами, нацеленными на укрепление БРИКС в меняющемся мироустройстве. Эффективно работающий транспортный коридор (а скорее несколько параллельных маршрутов) способен сделать наиболее значимым регионом влияния расширенного БРИКС ядро Евразии и Восточной Африки в пределах 3,5 часовых поясов (от 3 до 5,5 часов стандартного международного времени). Это означает не только торгово-логистические аспекты сотрудничества, но и дополнительные импульсы для прямых инвесторов (с целью привлечения финансов как в строительство, так и в промышленные предприятия по переработке ресурсов и полуфабрикатов, следующих по коридору), а также для углубления финансового партнерства (например, через развитие новых форм финансового сотрудничества, не привязанного к западным институтам).

Разумеется, Международный транспортный коридор «Север – Юг» является не единственным вариантом использования логистических решений для реконфигурации внешнеэкономических связей на Ближнем Востоке и в смежных макрорегионах мира. В частности, в ЕС предлагаются конкурирующие проекты – широтного, а не меридианального характера, причем исключаящие (обходящие) Россию [Vasa, Barkanyi, 2023]. На самом деле эта история насчитывает уже несколько десятилетий, начавшись с разработки конкурирующих проектов трансконтинентальных газопроводов. Однако именно провал невыгодного большинству потенциальных участников и сопряженного с высокими рисками строительства и функционирования антироссийского проекта «Набукко» должен напоминать, что помимо объективного экономического и геополитического анализа соперничающих проектов надо учитывать весь спектр возможных действий противников, вплоть до террористических атак (как это случилось с подрывом в сентябре 2022 г. газопроводов проекта «Северный поток» в Балтийском море) и развязывания войн (например, против Ирана).

В рассматриваемом нами регионе крупные инфраструктурные проекты связаны не только с транспортом, но и с электроэнергетикой. При этом строительство АЭС также имеет большой мультипликационный эффект для внешнеэкономических связей России и опирается на надежный фундамент компетенций подконтрольной государству корпорации «Росатом». Как известно, «Росатом»

строит АЭС «Аккую» в Турции (хотя эта страна исключена нами из рассматриваемого макрорегиона по ряду объективных причин, данный проект является очень крупным получателем российских прямых инвестиций). Четыре энергоблока станции стали первым в мире проектом в атомной отрасли, реализуемым по модели Build-Own-Operate («строй-владей-эксплуатируй»), хотя во многом лишь вследствие опасений местных партнеров попасть под вторичные санкции коллективного Запада.

Кроме того, «Росатом» возводит АЭС «Куданкулам» в индийском штате Тамилнад (два реактора введены в эксплуатацию, два находятся в стадии сооружения), АЭС «Руппур» в Народной Республике Бангладеш (запуск первого из реакторов намечен на ближайшее время) и АЭС «Эль-Дабаа» в Египте¹. Совокупные кредиты в атомной энергетике со стороны России исчисляются десятками миллиардов долларов, поскольку капиталовложения в каждую станцию обычно составляют 20–30 млрд долл. Однако это долгосрочные прибыльные проекты, привязывающие важные страны Востока к российской экономике, причем в инновационных сферах. В каждом конкретном случае даже в динамике и структуре внешней торговли можно увидеть сдвиги в российском экспорте, причем в значительной мере по технологически сложным позициям.

В то же время также хорошо известно, что ряд стран меняет свое отношение к атомной энергетике [Лизикова, 2023], причем не всегда негативные решения связаны лишь с мнением местных политических сил, использующих радикальную экологическую повестку – имеет место и косвенное политическое давление российских конкурентов. Иногда российской стороне, несмотря на хорошие отношения, не удается получить контракты на возведение АЭС. Так, в ОАЭ первую атомную станцию с четырьмя энергоблоками в эмирате Абу-Даби строили в 2012–2024 гг. южнокорейские инвесторы по американскому проекту. Второй планирующийся проект также может не стать российским, хотя «Росатом» пытается развивать сотрудничество с эмиратским бизнесом (пока обсуждая освоение Северного морского пути с DP World)².

¹ Строящиеся АЭС за рубежом // Росатом. – Режим доступа: <https://rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes-za-rubezhom/> (дата посещения: 02.12.2025).

² «Росатом» предложил ОАЭ проекты строительства АЭС большой и малой мощности // Интерфакс. – 29.01.2026. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/1070106> (дата посещения: 30.01.2026).

В то же время при оценке перспектив проектов строительства АЭС политический анализ не должен ограничиваться только рассмотрением внутренней повестки в части отношения общества и властей к развитию атомной энергетики, а также политико-экономических раскладов при выборе победителей тендеров на возведение новых АЭС. Как показало недавнее исследование международного коллектива ученых, обострение геополитической обстановки вокруг Украины и на Ближнем Востоке в долгосрочном плане делает более вероятной ставку на АЭС большого количества стран, особенно лишенных существенных запасов углеводородного сырья [Zheng et al., 2025]. При этом «Росатом» должен в своей экспансии учитывать возникающие политические расклады. Ведь даже косвенное негативное влияние российской СВО на Украине на экономические перспективы той или иной страны Юго-Западной или Южной Азии может не создавать конкретных барьеров для привлечения именно российского инвестора к решению долгосрочной задачи снять чрезмерную энергетическую зависимость соответствующей национальной экономики. Таким образом, без должной экономической привлекательности российских предложений в нынешних условиях трудно рассчитывать на продвижение интересов отечественного бизнеса даже в дружественных странах Глобального Юга. Однако это необходимое, но не достаточное условие – без благоприятной внешнеполитической обстановки и наличия политических сил внутри страны, заинтересованных в реализации соответствующего конкретного российского предложения, даже перспективные проекты обречены на провал.

Расширение БРИКС как фактор укрепления связей России с Ближним Востоком и Южной Азией

Удвоение состава БРИКС в 2024–2025 гг. выступает дополнительным политическим фактором укрепления связей России с рассматриваемым в статье макрорегионом. Полноценными участниками становящегося ключевым для меняющегося миропорядка формата ведущих держав стали Иран, ОАЭ и Египет. Саудовская Аравия изначально приняла приглашение, причем не исключено, что ее присоединение в итоге состоится по модели Индонезии (при благоприятном внешнеполитическом раскладе для королевства, балансирующего между США и Глобальным Югом).

Особо следует обратить внимание на Иран, который присоединился не только к БРИКС, но и к ШОС. Это свидетельствует о преодолении Исламской Республикой международной изоляции. Более того, упрочивая свою геополитическую значимость, Иран пытается активно действовать в треугольнике Россия – Китай – Иран. Помимо геополитики, расширение БРИКС обеспечивает сближение этой группы с ведущими членами ОПЕК. Экстенсивное расширение БРИКС, при всех рисках усложнения процессов принятия решений, способствует развитию и уплотнению разнообразных сетевых взаимодействий незападных международных игроков [Ефременко, 2023]. У России открываются (но с учетом последних войн в регионе скорее в долгосрочном периоде) дополнительные возможности интенсификации экономических связей с несколькими странами рассматриваемого макрорегиона, в том числе формально и не входящих в БРИКС, но тесно связанных, например, с экономикой ОАЭ.

Платформа БРИКС небезосновательно ассоциируется с укреплением принципов суверенитета и плюрализма в международной жизни [Володин, 2023]. Немало экспертов в европоцентричной парадигме критикуют формат БРИКС за его рыхлость, однако в этом, на наш взгляд, его сила. Лидеры стран и чиновники, равно как и представители делового сообщества, научно-образовательной сферы государств, нередко представляющих совершенно разные цивилизации, получили стимулы для регулярных контактов. В конечном счете это позволит довольно быстро преодолеть многие барьеры для развития внешнеэкономических связей между Россией и ее партнерами на Глобальном Юге (какой бы термин не использовали эксперты для этих государств на протяжении последних десятилетий – Третий мир, развивающиеся страны, растущие экономики, Мировое большинство и т.п.), в том числе вытекающие из отсутствия эффекта соседства и культурно-исторической близости.

Вместе с тем вряд ли стоит ограничиваться только контактами со странами БРИКС. В частности, важным партнером России в Южной Азии помимо Индии давно стала Народная Республика Бангладеш, в 2010-е годы обогнавшая Российскую Федерацию по численности населения. Есть также потенциал наращивания хозяйственных связей с Пакистаном и Шри-Ланкой. Среди арабских стран следует выделить прежде всего Иорданию, Ирак, Кувейт и Оман. От характера и скорости внутривосточного урегулирования зависит динамика российских связей с Сирией. Кроме того,

нельзя сбрасывать со счетов фактор Израиля и его противостояния с Государством Палестина.

Тем не менее для России развитие именно формата БРИКС среди прочего означает возможность использовать резкое ухудшение отношений со странами Запада как дополнительный фактор, стимулирующий экономический разворот на Глобальный Юг – путем сочетания «выталкивающих» факторов и «притягивающих». Однако впереди еще много работы, поскольку даже текущие показатели экономического взаимодействия, особенно с ОАЭ, все-таки не являются устойчивыми, если произойдет хотя бы частичная нормализация отношений России с ЕС. При этом можно пытаться использовать председательство Индии в БРИКС в 2026 г. для укрепления российских внешнеэкономических связей в Южной и Юго-Западной Азии.

Подытоживая, можно признать, что именно страны Южной и Юго-Западной Азии наиболее наглядно показывают столь необходимое в современных условиях сочетание экономических и политических факторов для интенсификации хозяйственных связей России с зарубежными партнерами. Другое дело, что лишь в случае Индии и ОАЭ это сочетание оказалось на нужном уровне в отличие, например, от Египта, Ирана или Народной Республики Бангладеш, не говоря о других стран макрорегиона. Так, Россия готова предлагать интересные крупные инфраструктурные проекты, но для многих из них не сформировался благоприятный внешнеполитический фон или не сложилась мощная внутренняя поддержка в потенциальных странах-партнерах. Далекое не всегда в России представителями бизнеса в принципе просчитывались заранее такие негативные факторы из-за недооценки влияния политической сферы на экономику.

A.V. Kuznetsov*

Geopolitical factors in the intensification of Russia's economic ties with the countries of the Middle East and Southern Asia¹

Abstract. Since the beginning of 2022, there have been many patterns in the development of Russia's foreign trade and investment relations, but the explanation

* **Kuznetsov Alexey**, INION (Moscow, Russia), e-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

¹ The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant no. 25-28-01479 <https://rscf.ru/project/25-28-01479/>

of these new trends cannot be fully understood without additional political analysis. In particular, geopolitical factors are disrupting the traditional logic of relying on comparative advantages in foreign trade specialization. The rapid transformation of the current global order is also causing significant distortions in geographical trade and foreign investment priorities. Thus, Russia's pivot to the Global South has significantly weakened the effects of neighborhood and cultural-historical proximity (traditionally assessed in economic studies, for example, using gravitational models and characteristics of the so-called investment climate). The article provides the author's assessments of the contradictory statistics on Russia's foreign trade in recent years. By combining economic and political analysis, the article explains the rapid rise of India, Egypt, the United Arab Emirates, Bangladesh, and Iran among Russia's partners. Special attention is given to the expansion of BRICS and the promotion of major infrastructure projects involving Russia. The article demonstrates that neither the prospects for nuclear power plant construction nor the development of international transport corridors can be studied without considering the capabilities of political science. The paper separately examines the sharp deterioration of Russia's relations with the "collective West" and the general trend towards increased polycentrism in global politics as factors that are stimulating Russia's economic pivot towards the Global South, i.e., the "pushing" factors are combined with the "pulling" factors. The paper highlights the long-term significance for Russia of its ties with important segments of the Global South, such as the Middle East (including Iran) and South Asia.

Keywords: Russia's foreign economic relations; polycentric world order; role of geopolitics in the economy; pivot to the Global South; expansion of BRICS; political significance of infrastructure projects.

For citation: Kuznetsov A.V. Geopolitical factors in the intensification of Russia's economic ties with the countries of the Middle East and Southern Asia. *Political science (RU)*. 2026, N 2, P. 222–240. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.02.10>

References

- Drapkin I.M., Mariev O.S., Chukavina K.V. Inflow and outflow potentials of foreign direct investment in the Russian economy: numerical estimation based on the gravity approach. *Journal of the new economic association*. 2015, N 4, P. 75–95. (In Russ.)
- Efremenko D.V. Consolidation of the world majority: meaning and consequences of the new expansion of the SCO and BRICS. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2023, Vol. 16, N 6, P. 6–20. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/kg/2023.06.01> (In Russ.)
- Fituni L.L. Restructuring the world order: BRICS and Africa at the time of change, or "multicore" against "polycentric". *Journal of the institute for African studies*. 2022, N 4, P. 17–27. DOI: <http://www.doi.org/10.31132/2412-5717-2022-61-4-17-27> (In Russ.)
- GINOYAN A.B., TKACHENKO A.A. EAEU countries foreign trade policy: results of simulation modeling. *Finance: theory and practice*. 2022, Vol. 26, N 2, P. 175–189. DOI: <http://www.doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-175-189>. (In Russ.)
- Grivan N. The question of compensation: a third world perspective. *Vanderbilt journal of transnational law*. 1972, Vol. 5, N 2, P. 340–360.

- Grinin L.E., Grinin A.L., Korotaev A.V. Shaping a new world order and BRICS+. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2024, Vol. 17, N 5, P. 61–81. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/kgt/2024.05.04> (In Russ.)
- Zheng S., Sohail S., Ozturk I., Ullah S., Attar R.W. How does geopolitical risk affect sustainable nuclear energy development? *Nuclear engineering and technology*. 2025, Vol. 57, N 3, Article 103230. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.net.2024.09.033>
- Kuznetsov A.V. Foreign direct investment: The “neighborhood effect”. *World economy and international relations*. 2008, N 9, P. 40–47. DOI: <http://www.doi.org/10.20542/0131-2227-2008-9-40-47> (In Russ.)
- Kuznetsov A.V. Short-term achievements and long-term objectives of Russia’s economic turn to the East. *Scientific works of the free economic society of Russia*. 2024, Vol. 248, N 4, P. 251–262. DOI: <http://www.doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-251-262> (In Russ.)
- Lizikova M.S. Measures of state support of nuclear energy: the experience of foreign countries. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2023, Vol. 16, N 3, P. 25–39. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/kgt/2023.03.02> (In Russ.)
- Rafat A. Compensation for expropriated property in recent international law. *Villanova law review*. 1969, Vol. 14, N 2, P. 199–259.
- Sachs J.D. The new geopolitics. *Horizons*. 2023, N 22, P. 10–21.
- Smulkina N.V. Political perception of the country: research models and methodological strategies. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 16–39. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.01>. (In Russ.)
- Timofeev I.N. “Political atlas of the modern world 2.0”: how to deal with the policy of sanctions? *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 282–299. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.13> (In Russ.)
- Vasa L., Barkanyi P. Geopolitical and geo-economic importance of the middle corridor: a Chompressive overview. *Eurasian journal of economic and business studies*. 2023, Vol. 67, N 2, P. 20–32. DOI: <http://www.doi.org/10.47703/ejebis.v2i67.295>
- Volodin A.G. BRICS: historical background and ideological prigrins. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2023, Vol. 16, N 6, P. 21–32. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/kgt/2023.06.02> (In Russ.)
- Volodin A.G., Volodina M.A. North–South international transport corridor project as a factor for possible strengthening of Russia’s foreign economic relations. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2019, Vol. 12, N 6, P. 29–42. DOI: <http://www.doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-6-2> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Володин А.Г. БРИКС: исторические предпосылки и идейные истоки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 21–32. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/kgt/2023.06.02>
- Володин А.Г., Володина М.А. Проект международного транспортного коридора «Север – Юг» как фактор возможного укрепления внешнеэкономических связей России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 29–42. – DOI: <http://www.doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-6-2>

- Ефременко Д.В.* Консолидация Мирового большинства: значение и последствия нового расширения ШОС и БРИКС // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 6–20. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/kgt/2023.06.01>
- Гиноян А.Б., Ткаченко А.А.* Внешнеторговая политика стран ЕАЭС: результаты имитационного моделирования // *Финансы: теория и практика.* – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 175–189. – DOI: <http://www.doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-175-189>
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В.* Контурсы нового мирового порядка и БРИКС+ // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 61–81. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/kgt/2024.05.04>
- Драпкин И.М., Мариев О.С., Чукавина К.В.* Количественная оценка потенциала импорта и экспорта прямых зарубежных инвестиций в российской экономике на основе гравитационного подхода // *Журнал Новой экономической ассоциации.* – 2015. – № 4. – С. 75–95.
- Кузнецов А.В.* Краткосрочные успехи и долгосрочные задачи экономического разворота России на Восток // *Научные труды ВЭО России.* – 2024. – Т. 248, № 4. – С. 251–262. – DOI: <http://www.doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-251-262>
- Кузнецов А.В.* Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2008. – № 9. – С. 40–47. – DOI: <http://www.doi.org/10.20542/0131-2227-2008-9-40-47>
- Лизикова М.С.* Меры государственной поддержки атомной энергетики: опыт зарубежных стран // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 25–39. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/kgt/2023.05.02>
- Смулькина Н.В.* Политическое восприятие страны: исследовательские модели и методологические стратегии // *Политическая наука.* – 2025. – № 4. – С. 16–39. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.01>
- Тимофеев И.Н.* Как исследовать политику санкций в проекте «Политический атлас современного мира 2.0»? // *Политическая наука.* – 2024. – № 2. – С. 282–299. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>
- Фитуни Л.Л.* Переустройство миропорядка: БРИКС и Африка в эпоху перемен, или «Многоядерность» против «полицентричности» // *Ученые записки Института Африки РАН.* – 2022. – № 4. – С. 17–27. – DOI: <http://www.doi.org/10.31132/2412-5717-2022-61-4-17-27>